

«УТВЕРЖДАЮ»

Проректор по научной работе и цифровому развитию
ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»
доктор физико-математических наук, профессор
Алексей Александрович Короновский

2024 г.

**Отзыв ведущей организации
о диссертации Бигильдинской Ольги Викторовны
на тему: «ПОЭТИКА И ПРОБЛЕМАТИКА ДРАМЫ А.П. ЧЕХОВА “ТРИ
СЕСТРЫ” В СВЕТЕ СЦЕНИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ (XX–XXI ВВ.)»,
представленной на соискание учёной степени кандидата филологических
наук по специальности 5.9.1. – Русская литература и литературы народов
Российской Федерации**

Актуальность предпринятого О. В. Бигильдинской исследования определяется комплексом причин: спецификой «театра Чехова», ставшего событием системного порядка, давшего импульс к реформированию и обновлению драмы и театральной эстетики; способностью чеховских пьес с течением времени наращивать («растить») смыслы, обнаруживать новые, заложенные в них автором, аспекты «философии жизни» и оказываться «зеркалом» нового времени, а также избранным ракурсом исследования драмы Чехова «Три сестры» сквозь призму её интерпретаций – литературоведческих и театроведческих штудий и трёх знаковых сценических её версий, созданных выдающимися режиссерами XX–XXI вв.: Г. А. Товstonоговым (1965), О. Н. Ефремовым (1997), Л. А. Додиным (2010).

Междисциплинарный подход, обоснованный и самой историей «бытования» драмы Чехова, тем продуктивным и напряженным «диалогом», который ведется между режиссерами, театроведами и литературоведами на протяжении XX–XXI вв. о замысле рассматриваемой пьесы и о специфике отражённых в ней «конфликтно-драматических состояний» (А. П. Скафтымов), задаёт и векторы исследования: диссидент внимательно прослеживает движение литературоведческой и театральной (режиссёрской) мысли, отмечая параллели и несовпадения в истолковании проблематики и поэтики «Трёх сестер» как свидетельства многосложности пьесы, разной индивидуальности интерпретаторов и специфики времени, которое они представляют.

Не вызывает сомнения научная новизна исследования О. В. Бигильдинской: впервые предметом пристального внимания становятся – в их единстве и динамике – литературоведческие и режиссерские интерпретации

проблематики и поэтики «Трёх сестер», причём автором диссертации в исследование включён значительный корпус материалов (прежде всего, стенограммы репетиций, зафиксировавшие становление концепции спектакля по чеховской пьесе в диалоге режиссёра и актёров, сам процесс формирования режиссёрских решений и приёмов).

Предметом исследования в диссертационной работе О. В. Бигильдинской являются специфические проблематика и поэтика пьесы Чехова. В качестве узловых точек проблематики выдвигаются: «борьба или смирение», имеющая психологическую подоплётку; классическая «Кто виноват?»; социально значимая, относящаяся к военной службе, а также гендерная. Поэтика «Трёх сестёр» охватывает широкий спектр показательных средств драматургической выразительности, которые группируются по принадлежности к ряду признаков: времени и месту, системе персонажей, предметному миру пьесы, звуковой её партитуре и музыкальному её оформлению. Методология и методика изучения всех этих составляющих, включая театроведческие методы, использованные при визуализации драматургического текста и его сценической интерпретации, а также полученные результаты свидетельствуют о соответствии диссертационного исследования специальности 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Логика исследовательской мысли, определяющая композицию (автор диссертации идёт от анализа литературоведческих интерпретаций к сценическим версиям), кажется обоснованной и оправданной, хотя и не единственно возможной: поэтика и проблематика пьесы и их специфическое восприятие режиссёрами – авторами оригинальных «сценических текстов», настолько тесно взаимосвязаны, что могли бы быть рассмотрены в единстве при анализе каждой сценической версии – от 1965 г. к 2010 г.

В аналитических главах материалом исследования и одновременно объектом анализа является широкий круг источников, прямо или косвенно относящихся к истолкованию чеховской драмы. Обзор, предпринятый в **первой главе**, – «Драма “Три сестры” в чеховедении» – занимает третью часть диссертационного сочинения, что свидетельствует о концептуальной значимости литературоведческой составляющей истории вопроса. О. В. Бигильдинская добросовестно выстраивает заметные вехи того сегмента чеховедения, который затребован выбранной ей темой – от начала XX в. до первых десятилетий XXI в., что позволяет выявить не только индивидуальные открытия каждого интерпретатора в понимании замысла пьесы Чехова, но и наметить основные векторы и этапы исследовательской мысли, методологии исследований драмы «Три сестры».

В целом можно согласиться с автором диссертации, увидевшим следующие этапы в истории литературоведческих интерпретаций пьесы: «акцентирование отступления Чехова от драматургического канона в построении сюжета, композиции, системы персонажей в прочтениях современников; критическое осмысление социальных и морально-нравственных проблем в исследованиях XX в.; полемику с предыдущими интерпретациями пьесы, её анализ с позиции фольклорно-мифологических традиций, законов живописи и музыки, исторической реконструкции в XXI в.» (с. 11). Однако следует заметить, что эти наблюдения не охватывают весь спектр исследовательских подходов и актуальных аспектов в современных интерпретациях пьесы: в центре внимания чеховедов последних лет оказываются мифопоэтика чеховской пьесы, архетипические культурные модели в её поэтике. Предметом исследования становятся и реминисцентный слой в пьесе (А. Г. Головачёва, П. Н. Долженков, Е. А. Маслова и др.), «диалог» Чехова с западноевропейскими и русскими драматургами (В. Б. Катаев и др.), философские основы чеховской концепции жизни и человека в пьесе (Л. В. Карасев, Е. А. Маслова, Т. Б. Зайцева и др.).

Полагаем, что для большей убедительности самой фактуры научно-квалификационной работы не было бы лишним расширение круга специальных трудов по избранной теме. Безусловно, не каждый из них должен стать предметом анализа, но всё же с сожалением отметим, во-первых, не упомянутые «Письма о театре» (1912-1913) Л. Н. Андреева. Представленные в них наблюдения о новациях «психологического театра» Чехова не только свидетельствовали о глубине проникновения автора «Писем...» в художнический мир создателя «Трёх сестёр»: речь шла именно о тех открытиях чеховского «театра», которые окажут влияние на формирование новой театральной эстетики: о полифоничности чеховской пьесы, сложности взаимодействия между текстом и подтекстом, об антропологических открытиях Чехова, о «психологичности предметов в чеховских пьесах (“камней, стульев, стаканов и квартиры”)», предстающих «частями одной большой души» (Л. Н. Андреев), и проч.

В связи с этим нельзя не коснуться и обращения докторантки к А. П. Скафтымову. Если придерживаться логики рецепции «Трёх сестёр» как литературного явления, то его статья «Драмы Чехова» была написана скорее всего к концу 1920-х годов, что было уточнено в преамбуле к публикации рукописных материалов учёного, опубликованных в первом выпуске Скафтымовских чтений (Москва, 2014. С. 21-23) (в этом серийном издании докторантка неоднократно участвовала). Скафтымовское понимание природы конфликта в чеховской драматургии (между «данным и желанным»), лёгшее в

основу дебютной статьи, но введённое в научный оборот только в соответствующих работах 1948 года, на протяжении всего этого времени и много лет спустя, примерно до появления в чеховедении А. П. Чудакова, опережало исследовательскую мысль и по сей день не устарело. Более того, оно могло бы послужить ключом к истолкованию режиссёрских прочтений драмы. Когда же в определении методологической базы исследования автор диссертации ставит в один ряд имена А. П. Скафтымова и В.В. Ермилова, то поступает по меньшей мере неосмотрительно.

В числе не включённых в анализ «профильных» литературоведческих разысканий недавнего времени назовем монографию Л. В. Карасёва «Достоевский и Чехов: неочевидные смысловые структуры» (М., 2016), где предметом анализа оказываются приёмы переклички начала и конца пьесы как знака вечного повторения, мотив «солнца» в finale чеховской пьесы и его функция, мотивы старения (ключевые в пьесе «Три сестры») и т.д. Важные для понимания проблематики, конфликта и поэтики пьесы наблюдения содержатся и в статье Н. Е. Разумовой «Человек, который смеётся: к вопросу о чеховской комедии» (Вестник Тюменского госуниверситета. 2003. № 3. С. 186-196), посвящённой специфике смеха в произведениях Чехова, в том числе и в пьесе «Три сестры», где 50 ремарок определяют нюансы смехового поведения героев, особенности их смеха, являющегося важным приёмом для создания психологического рисунка образов героев и слагаемым звуковой партитуры драмы. О неполноте обзора говорит и отсутствие в нём собраний критических откликов такого уровня, как «комментированная антология», составленная А.П. Кузичевой, «А.П. Чехов в русской театральной критике» (2007), на отдельные статьи которой диссидентка ссылается, но не позиционирует издание в целом; как антология «А. П. Чехов: pro et contra. Творчество А. П. Чехова в русской мысли конца XIX – начала XX веков» (сост., предисл., общ. ред. И. Н. Сухих. СПб.: РХГИ, 2002); нет, кстати, и работ того же И.Н. Сухих (о художественной философии Чехова, о «Трёх сёстрах» и об опытах режиссёрского чтения – см. Проблемы поэтики Чехова. СПб., 2007).

Однако справедливости ради следует сказать, что задачи, поставленные в главе, О. В. Бигильдинской в основном выполнены: рассмотрение ключевых положений в исследованиях чеховедов, хотя и по большей части описательное, нежели аналитическое, позволило проследить и объяснить динамику литературоведческой мысли, подчиняющейся и веяниям времени, и научным исканиям, направленным к глубинному анализу «подлинного сюжета» (В. В. Набоков) произведения и его поэтики. На наш взгляд, в качестве завершения этой части работы, дающей свод разнообразных индивидуально-творческих подходов к осмыслению «Трёх сестёр», напрашивается некая квинтэссенция

целостного анализа чеховской драмы, что называется, «от автора» (диссертации), что стало бы связующим звеном между приведённым литературоведческим пластом, отражающим более чем вековой процесс рецепции произведения, и следующими – театроведческими – шагами по пути выявления его «поэтики и проблематики», которые открылись благодаря его «сценическим интерпретациям» двадцатого и уже двадцать первого столетий. В противном случае массив исследовательских наблюдений, находок, открытый останется обособленным от сценических способов постижения заложенных Чеховым смыслов. К сожалению, полностью избежать этого не удалось.

Вторая и третья главы диссертации О. В. Бигильдинской посвящены анализу трёх знаковых сценических версий чеховской пьесы, созданных ведущими режиссерами России: Г. А. Товстоноговым, О. Н. Ефремовым и Л. А. Додиным. Причём сначала в центр внимания автором диссертации ставится поэтика пьесы в сценических интерпретациях, а затем – применительно к ним – проблематика, при том что форма – производное от содержания. В обратном литературоведческой логике порядке просматривается если не приверженность соискательницы к театру, то стойкая увлечённость им. По всей видимости, первичность поэтики для О. В. Бигильдинской очевидна: постановка спектакля – это вдумчивый поиск наиболее выразительных средств для воплощения содержательной сути пьесы. И в таком случае автор диссертации оказывается в своей стихии, что приносит свои плоды. Опираясь на утверждение В. Г. Сахновского, полагающего, что театральная постановка включает в себя «два взаимосвязанных, но не тождественных один другому текста: писательский и режиссёрский, то есть собственно сценический», автор диссертации последовательно рассматривает специфику прочтения пьесы Чехова, истолкования её поэтики и проблематики при «переводе драматургического текста в сценический» в трёх «сценических текстах» (с. 5-6), отмеченных крайне сложным постановочным «языком» и режиссёрской стилистикой. Попутно заметим, что О. В. Бигильдинская расширяет поле исследования, упоминая и о других сценических версиях – классических (К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко (1901), Вл. И. Немировича-Данченко (1940)) и современных – А. В. Эфроса в театре на Малой Бронной (1967) и Ю. П. Любимова в театре на Таганке (1981). Заметим, что, располагая целым рядом выдающихся театральных постановок «Трёх сестёр» и «комплектом» материалов, необходимых для анализа их режиссёрских концепций, следовало бы обосновать выбор именно тех, которые в итоге стали предметом изучения.

Итак, **вторая глава** посвящена анализу поэтики спектаклей. Это важнейший путь к формированию «сценического текста» и одновременно к его

истолкованию: именно поэтика чеховских пьес («красота» и «полифония», по выражению К. Л. Рудницкого) признаётся доминантой современными чеховедами и режиссёрами. В поле зрения исследовательницы – символика дома и сада, система персонажей, в том числе внесценических, особенности образно-мотивной системы, ремарки, предметные детали, звуковая « партитура », музыкальная сторона пьесы, лейтмотивы и т. д. Автор диссертации в своём анализе постановочного «языка» стремится рассмотреть разные слагаемые спектаклей: понимание режиссёром и актёрами смысла конфликта (хотя, с сожалением отметим, что проблема интерпретаций конфликта в пьесе не стала предметом специального анализа); постижение трактовки событий (в частности, убийства Тузенбаха), системы персонажей и идей, образов отдельных героев, как правило, переосмыслиемых режиссёрами (Чебутыкина, Наташи, Солёного, Кулыгина) «с акцентом на неоднозначности» (с. 12). Важное слагаемое спектаклей и одновременно предмет тщательного анализа в диссертации – эстетическое оформление сценического пространства, работа художника-оформителя как сотворца спектакля, функции бытовых деталей и музыкальное оформление (включающее и музыкальные произведения, исполняемые персонажами или составляющие фон, на котором разворачивается действие), а также звуки, формирующие звуковую « партитуру » спектаклей. Все эти элементы поэтики драмы прочитываются и как знаковые формы репрезентации режиссёрской концепции пьесы, формируемой в «диалоге» с её автором.

О. В. Бигильдинская, обращаясь к стенограммам совместных режиссёрско-актёрских обсуждений чеховской вещи, неизменно фиксирует резонирующую атмосферу на репетициях, возникающую благодаря «созвучию» высказываний постановщиков и исполнителей ролей. Но в то же время истолкование «сценических текстов» и режиссёрских открытых при создании сценической версии «Трёх сестёр» не всегда подкрепляется должной глубиной анализа художественных программ, эстетических идей режиссёров, а между тем все постановки осуществлены в «режиссёрских театрах». Однако нельзя не признать, что автору диссертации удалось выявить индивидуально-авторское прочтение чеховской пьесы каждым из выдающихся режиссёров. Большой временной разрыв между постановками и определённое представление об их создателях позволили О. В. Бигильдинской обнаружить своеобычные векторы в режиссёрских подходах к пьесе Чехова, в принципах отношений режиссёра и автора-драматурга, в восприятии чеховской драматургии, прочертить векторы в исканиях театральной мысли и театральной эстетики. Автор диссертации на основе подетального рассмотрения сценически обусловленных элементов поэтики, разработанных Г. А. Товstonоговым, О. Н. Ефремовым и Л. А. Додиным для обозреваемых постановок «Трёх сестер», основанно

говорит о стремлении режиссёров найти новые смыслы в чеховской пьесе, смыслы, открываемые новым временем и новым ракурсом, об устойчивой тенденции ухода от бытового решения пространства спектакля «к большей условности и символизму в сценографии» (с. 182), об акцентировании символики места и времени, бытовых деталей в пьесе Чехова, музыкальных произведений, звучащих в пьесе Чехова как средств, открывающих «вечное», универсальное во временном. С нашей точки зрения, вторая глава диссертации является наиболее взятной, доказательной, удачной,

Опыт постижения «Трёх сестёр» отечественным чеховедением и заинтересованное, скрупулёзное освоение режиссёрских откровений и обретений в ходе поочерёдных интерпретаций сценических версий «Трёх сестёр» приводят О. В. Бигильдинскую к убеждению в том, что в чеховской пьесе доминируют бытийные проблемы и ключевые вопросы русского общества: «кто виноват?» и «что делать?» Следует подчеркнуть, что в классически укоренённой сути этих сакральных вопросов может раствориться сугубо чеховское их понимание: болевые точки морально-нравственного, духовного бытия человека рубежа XIX-XX вв. прозаик и драматург Чехов видел и передавал по-своему, исходя из своего представления о «сложении жизни» (А.П. Скафтымов). Но молодая исследовательница, фактически ведомая режиссёрами, в **третьей главе** сосредоточивается на изучении их личностно-творческих откликов на то, что тревожило драматурга, что проецируется на проживаемое ими время, что запрашивается их временем (в том числе судьба военного и гендерный ракурс оценки отношений). Автор диссертации справедливо полагает, что «в ответе на вопрос, кто виноват в том положении, в котором оказываются герои пьесы, так же отражалось время постановки и тот счёт, который интерпретаторы драмы предъявляли к современникам» (с. 179). Если Г. А. Товстоногов «подошёл “трезво и разоблачительно” ко всем персонажам и обвинил их в бездействии и равнодушии, приведшем к бессмысленному убийству Тузенбаха» (с. 179-180), то «в трактовке О.Н. Ефремова на первый план выдвигается психологическая проблема, связанная с осмысленным выбором персонажами бездействия как христианского смирения и принятия жизни», режиссёр «приходит к выводу, что путь героев драмы, прекрасных и удивительных людей, – очищение через страдания» (с. 179). В постановке Л. А. Додина актуализируется «социальный вопрос, касающийся военной службы персонажей пьесы» (с. 11-12), и акцентируются «безволие и бездомность» героев-военных (с. 180). Будем считать, что недостающий контекст сценических воплощений чеховской драмы появится со временем, главное в исследовательской практике начинающего учёного состоялось: благодаря великим учителям преодолена самая большая на

данный момент трудность, возникающая перед каждым уважающим себя режиссёром, – интерпретационная.

Цель диссертационной работы О. В. Бигильдинской («выявить особенности поэтики и проблематики пьесы А.П. Чехова «Три сестры», проявляющиеся в прочтениях драмы режиссёрами Г.А. Товстоноговым, О.Н. Ефремовым и Л.А. Додиным) достигнута; поставленные задачи (осуществить аналитический обзор отечественных исследований поэтики и проблематики драмы «Три сестры» для определения направлений её истолкования; описать способы сценографического решения вопросов времени и места в спектаклях Товстоногова, Ефремова, Додина; выявить специфику трактовки системы персонажей «Трёх сестер» в постановках; провести анализ предметного мира пьесы, воссозданного в постановках БДТ, МХАТа и МДТ – Театра Европы, раскрывающих новые смыслы драмы; охарактеризовать семантику звукового оформления пьесы в режиссёрских прочтениях; определить особенности проблематики драмы в сценических интерпретациях 1965, 1997, 2010 гг.) (с. 8)) в большей мере решены. Автор исследования, судя по всему, обладает необходимыми для специалиста намеченного профиля данными: прежде всего она квалифицированный читатель, тонко чувствующий грань, за которой у произведения литературного начинается оригинальная театральная судьба, разбирающийся в сложностях переложения его на язык сценического искусства, владеющий особенной аналитической оптикой и подобающими навыками, которые она сумела получить, пройдя школу неподражаемых режиссёров.

Высказанные замечания не снижают научной значимости и практической ценности проведенного анализа. Диссертация Ольги Викторовны Бигильдинской представляет собой оригинальное исследование, свидетельствующее о филологической квалификации ее автора. **Практическая значимость полученных результатов** заключается в возможности применения их при изучении творчества А. П. Чехова и – шире – русской драматургии конца XIX – начала XX веков. Они как структурированный материал могут быть использованы в лекционных университетских курсах, связанных с историей и теорией драмы, на практических занятиях, спецкурсах, посвященных «театру Чехова», поскольку способны расширить понимание формальных и содержательных аспектов драматического текста, предложить стратегию анализа текста драмы с учетом материала стенограмм застольных и сценических репетиций.

В целом диссертация на тему «**Поэтика и проблематика драмы А. П. Чехова «Три сестры» в свете сценических интерпретаций (XX–XXI вв.)**» является самостоятельным исследованием актуальной научной проблемы,

отвечающим всем требованиям пп. 9–11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней» ВАК, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24. 09. 2013 № 842 (в действующей редакции), а ее автор, **Бигильдинская Ольга Викторовна**, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки). Автореферат и публикации полностью отражают содержание диссертации.

Отзыв подготовлен кандидатом филологических наук (специальность: 10.01.01 – Русская литература), доцентом, доцентом кафедры русской и зарубежной литературы Новиковой Натальей Владиславовной и доктором филологических наук (специальность: 10.01.01 – Русская литература), доцентом, профессором кафедры русской и зарубежной литературы Мокиной Наталией Васильевной, обсужден и утвержден на заседании кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского» 07 мая 2024 г., протокол № 8.

Заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»
кандидат филологических наук, доцент
Борисов Юрий Николаевич

7 мая 2024

410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83 (ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»)
8(8452)21-06-49 (кафедра русской и зарубежной литературы)
XXveka@gmail.com

Подпись Ю.Н. Борисова удостоверяю
Ученый секретарь Ученого совета
ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского»
доцент Семёнова Вера Геннадьевна

